

О питерских бильярдистах

Воспоминания бильярдного шара

Я круглый, но не болван; битый, но не волк; коричневый, но не фашист. Я – бильярдный шар номер 13 из древней, выдавшей виды пирамиды. Со своими братьями-шарами пребываю в обшарпанном чемодане в кладовой старой петербургской квартиры, что на Литейном проспекте. Чемодан давно никем не открывался по причине нам неизвестной, но, вероятно, по той, что нашего хозяина-маркера уже давно нет в живых, а другим до нас дела нет. У них другие, не имеющие отношения к бильярду, интересы, и посему мы покоимся в темном углу кладовой.

А были времена, когда не знали мы покоя и резво катались по зеленым полям бильярдов в обществе игроков.

Но если копнуть поглубже, то можно вспомнить времена, когда мы путешествовали в виде слоновьих бивней по африканским саваннам, а потом, отпиленные от своих носителей-слонов, плыли по волнам Атлантики к берегам Туманного Альбиона. Но это все в прошлом. Теперь наш удел – захламленный чулан коммуналки, в которой попали мы по воле последнего нашего хозяина – маркера бильярдной гостиницы «Европа», что у Невского проспекта.

Со временем мы потемнели, иссушились и растрескались от ударов, потеряли свою упругость и давно уже созрели для музея. По этой причине маркером «Европы» пирамида слоновой кости была списана и заменена на пластмассовую. Пришедшие повсеместно на замену шары из целлулоида вытеснили костяные, и большинство наших шаров-собратьев исчезали в мастерских ювелиров, откуда, перевоплощенные в поделки, попадали на прилавки ювелирных магазинов.

Наша пирамида избежала резца ювелира, потому что маркер, несмотря на акт списания, должен был хранить ее в целостности до ревизионной проверки. А кроме того, как человек играющий, он понимал, что мы уникальны не только по своей природе, но и по богатому опыту, не говоря уже о возрасте.

После проверки и якобы уничтожения пирамида, естественно, перекочевала из шкафа бильярдной в квартиру маркера, где и была сохранена им как память о его бурной игроцкой жизни.

В отличие от остальных шаров, я старший, ввиду отсутствия номеров 14 и 15. «Генерала» и его «адъютанта» изьяла дочь маркера и установила на мраморную подставку письменного прибора вместо бронзовых чернильниц, сданных ею в антикварную лавку по причине стесненных денежных обстоятельств. Если бы она догадалась, что шары из слоновой кости и имеют ценность для мастеров-ювелиров, то нас бы постигла участь чернильниц. Но, несмотря на то, что отец ее был маркером, дочь в бильярде разбиралась «как хавронья в цитрусах»: женщины в те времена бильярдом мало увлекались. А бильярдным кием из эбенового дерева «чемодановской» работы она раздвигала оконные шторы, не имея представления об его истинной ценности, кроме как памяти об отце.

От своих собратьев я держусь особняком ввиду специфичности номера (мол, «чертова дюжина»). За это меня недолюбливают, но побаиваются; никуда не денешься – субординация. На первенство претендовал еще и полосатый-биток, мотивируя это тем, что он бит больше других. Но коллегиально было решено по состоянию здоровья определить ему почетный пенсион без права голоса за его былую активность. Нас можно понять: это была маленькая месть за то, что от него нам иногда здорово доставалось при ударах, хотя он был абсолютно ни при чем. Совесть за это решение нас не терзает – поделом ему.

А мучает нас не совесть, и даже не выбоины и трещины, заработанные в баталиях, а воспоминания о прошлом.

Родина наша – Африка, зеленые саванны Камеруна. Вожак слоновьей стаи, из бивней которого мы изготовлены, был убит из винчестера прямым попаданием в глаз англичанином Томпсоном в 1847 году. В те времена охота на слонов не считалась браконьерской, и в Африке был бум на добычу слоновьих бивней, идущих на изготовление бильярдных шаров и ювелирных изделий. Эта тема приносила хорошую прибыль, но в то же время охота на слонов была рискованной и опасной. Тот же Томпсон спустя две недели после отстрела вожака стаи был насмерть растоптан разъяренной раненой слонихой, подругой вожака. Охотничьи трофеи Томпсона достались его сотоварищам – охотникам, проданы купцам и были благополучно доставлены торговым судном через Атлантический океан в Англию.

В мастерских Джона Турстона бивни распилили и после токарной обработки превратили в бильярдные шары. В этих же мастерских по заказу советника Российского посольства князя Горбатова были изготовлены два «царских» стола размера 3,6 м х 1,8 м, а шары к ним были выточены диаметром 76 мм.

Один стол был поставлен Императорскому Двору, второй был установлен в особняке князя на Мойке. Попала к князю и наша пирамида шаров.

Участь нам выпала завидная, поскольку в княжеской бильярдной собирались на игру в основном аристократы, приближенные ко двору его Императорского Величества. Люди состоятельные, с изысканными манерами, за бильярдным столом они вели светские беседы, обсуждали государственные вопросы. Атмосфера игры была спокойной и чинной. Состояния там не проигрывались, но не лишённые азарта великосветские особы деревеньку-другую могли себе позволить и проиграть.

Текло время, сменяли друг друга императоры, дошел черед и до последнего – «самодержца Всея Руси» Николая II, который и сам был большим поклонником бильярдной игры. Пришел 1914 год с Первой мировой войной, а с ее окончанием и революция 1917 года, за ней Гражданская война с военным коммунизмом, а потом и НЭП.

И перекочевал наш стол по указу властей из княжеского особняка на Мойке в гостиницу «Европа», поближе к состоятельной публике. Веселенькое для нас, шаров, то было время: тут тебе и нэпманы с барышнями легкого поведения, и удалые налетчики с бандершами, и буржуины-иностранцы, а порой и переодетые чекисты. И все не преминут своим долгом после кутежа в ресторане зайти в бильярдный зал и разыграть миллион-другой. Случались и бандитские налеты с вытряхиванием содержимого бумажников и снятием драгоценностей. Нас такие темы обходили стороной, ибо с шаров и маркеров взятки гладки.

НЭП длился недолго: со смертью вождя пролетариата почил и НЭП. На смену ему пришли сталинские порядки, играющая публика обмельчала, хотя игроков на бильярде не убавилось. Взрастало новое поколение бильярдистов из рабочих застав, среди которых было немало талантливых, становившихся со временем «королями бильярда». Но Вторая

мировая разметала их по полям других сражений, из которых немногим удалось вернуться целыми и невредимыми. Об оставшихся в живых после войны и тех, кто там не побывал по возрасту, пойдет дальнейшее повествование в бильярдных байках, эпиграммах и дружеских шаржах. Да простят мне бильярдисты мои фантазии, ибо все нижеизложенное есть полуправда, полувывымысел, виденное мной самим либо услышанное от других.

С уважением,
Б. Ш. «13-й»

Нюрка-провокаторша

Ползет в «Европу», словно танк,
Передвижной Азовский банк:
Всех впереди Андрей Косой
И Васька Швабра с Колбасой.

Ленинград, 1950-е–1960-е годы, Лиговка, гостиница «Московская», бильярдный зал. Один из немногих, оставшихся в гостинице после начавшихся в начале 1950-х гонений на бильярд. «Перегибы» властей коснулись и этой сферы: на Лиговке и Невском осталось два-три бильярдных клуба, хотя до революции их насчитывалось более двадцати. До поры до времени сохранились бильярдные в гостиницах «Московская» и «Октябрьская», но впоследствии прикрыли и их. Местным отделениям милиции надоело разбирать жалобы приезжих, проигрывавшихся «в пух» и ночующих на Московском вокзале вместо фешенебельных гостиниц. Еще со времен НЭПа славилась «Московская» своей разношерстной публикой. Собирались тут заезжие воры-гастролеры, барыги и налетчики, спекулянты и мошенники, бандерши и шлюхи, аферисты и карманники. Московский вокзал – место бойкое, а Россия большая. Бильярдная притягивала к себе личностей менее авантюрных, но не менее интересных: сюда стекался цвет бильярдистов Ленинграда времен Никиты Кукурузника. И среди них особо выделялись Василий Швабра, Андрей Косой, Гриша Колбаса, Миша Беркович. Интересы этой «компашки» в основном были сориентированы на заезжую публику, но в описываемый вечер между собой играли Василий Швабра и Андрей Косой. Доигрывали последнюю партию в малую пирамиду перед закрытием бильярдной. В те времена ресторан и клуб функционировали до 23 часов, и порядок этот неукоснительно соблюдался, но непродолжительные задержки дозволялись. Так было и в этом случае. Швабра пытался на равных отобрать у Косого за полтора часа игры то, что он в течение трех часов выцарапывал на жуткой форе у подзагулявшего командированного из шахтерской Воркуты. Шла контрольная партия, игра затянулась, партнеры «сидели на отыгрыше» и довели баталию до последнего шара. Куш был приличный и над столом витал обоюдный мандраж. Накал игры, подогреваемый дольщиками и мазильщиками, был высок: одна ошибка

решает исход горячего поединка. Время поджимало: после закрытия бильярдной нужно было двигать в сторону гостиницы «Европа», там предстояла ночная смена – бильярдный клуб был открыт до утра. И вот Швабра не выдерживает и совершает «бросок» – бьет через весь стол чужого в правый угол. Может, точности не хватило, а может, силы удара – «придави» он чуть посильнее, и шар был бы в лузе, но чужой, партийный, дернувшись в резиновом створе лузы, медленно отошел от нее на 30–40 см. Полосатый биток выкатился под прямой удар. От зрителей прошла смешанная волна ликования и чертыхания. Игроки безмолвствовали. Косой не спеша намелил наклейку и вершник кия для лучшего скольжения по руке. «Погоди, отлучусь на минутку, приспичило», – остановил его Швабра и, положив кий на стол, удалился в сторону гальюна. Войдя в «предбанник», он нос к носу столкнулся с Нюркой-уборщицей, державшей в руках банку с хлоркой. Они давно знали друг друга и росли когда-то неподалеку в одном дворе на Кузнечном переулке. Когда-то, во времена НЭПа, Нюрка была в фаворе и блистала в ресторане «Московский» под прозвищем Нюрка Буфера, как обладательница выдающихся природных данных. Начинала она с официантки и по мере плавного перехода «в тираж» так же плавно меняла специализацию: от официантки до поварихи, от поварихи до посудомойки, от посудомойки до уборщицы. Несмотря на это, ее выдающиеся природные данные, в отличие от «Табели о рангах», не уменьшались. А с Васей Шваброй у нее были давние отношения: с больших выигрышей он был щедрым и галантным. «Слушай, Нюрка, – вдруг нашелся Швабра, хлопнув ее по плечу, – хочешь пятерку за пять минут заработать?» «Ты что, Васек, молодость решил вспомнить?» – обрадовалась Нюрка. «Да какая там молодость, – скривил физиономию Васек, – мне уже и домкрат не помогает. Слушай сюда, тут другое дело», – и Швабра заговорщицки зашептал. «Ага, поняла, – через полминуты закивала головой Нюрка. – А динами, как в Азовском банке, не устройшь?» «Не бойсь, сделаешь как я сказал – получишь еще пятерку», – бросил на ходу Василий и удалился в кабину opravляться. Нюрка быстро смочила тряпку, намотала ее на швабру и зашагала к бильярдной, расстегивая на ходу верхнюю пуговицу спецхалата. Войдя в зал, она с ходу накинулась на присутствующих. «Да когда же вы закончите, уже пол-двенадцатого скоро, убраться не даете. У меня собака полдня не гуляла, заканчивайте давайте», – заголосоила туалетная работница и, потрясая достопримечательностями, усердно заработала шваброй вокруг стола играющих. Андрей Косой отвернулся от дольщиков и с пренебрежением произнес: «Мадам, вы не с того места начали подтирку, здесь пока занято». «Нашелся мне указчик», – отпарировала Нюрка, ожесточенно орудуя шваброй. Косой, ухмыльнувшись, смолчал. Ожидание затянулось. Швабра появился через пять минут, взял со стола кий и встал у средней лузы. Нюрка, облокотившись о швабру одной рукой, а второй подбоченясь, встала напротив угловой лузы, в которую должен был играть Косой.

«Уважаемая, отойдите в сторонку, не загораживайте лузу, не отвлекайте внимание», – вежливо произнес Косой. «Где хочу, там и стою – мое

время пошло», – огрызнулась Нюрка. «Ваше время прошло, а не пошло, отойдите от лузы», – съязвил Косой, которому она когда-то отказала. Но Нюрка стояла как вкопанная. На фоне ее бюста бильярдные шары показались ему горошинами. Дезориентированный Косой долго целился и водил кием по руке, но прицел был сбит, и куда-то исчезла уверенность. С силой он ударил по битку клапшотсом: чужой, как судорожный, задергался в створе лузы и встал. Нюрку как ветром сдуло, а Швабра, улыбаясь, помелил кий и, не целясь, закатил шар в лузу и закончил партию. «Ну что, господа, идем в «Европу»? А то у меня что-то в горле пересохло, – предложил он, убирая кий в пенал, – нас там заждались». И, разобравшись меж собой, игроки и мазильщики вышли из «Московской» и двинулись по направлению к «Европе».

Для нас же смысл аферы прост и ясен –
Чтобы полезно было и тебе, и мне,
Мы подведем под байку резюме:
Когда «в последнем» сложится игра,
Не допускайте посторонних до стола.

С верхним левым,
Б. Ш. «13-й»

Рано упал...

Если идти по правой стороне Невского в сторону Дворцового моста, то не минуешь по пути, не доходя Литейного проспекта, Дома театральных деятелей или Дворца искусств в одном лице. Респектабельное заведение – посторонним, как говорится, вход заказан. Но если, пересилив благоговейный страх, все-таки войти через массивные дубовые двери парадного входа и подняться по широкой мраморной лестнице на 2-й этаж в бильярдный зал, то поразишься своей наивности: здесь те же игроки, как и везде. Только поблагопристойней физиономии, кроме, конечно, бритоголовой маркерской. Цербер, а не маркер: если ты не актер – вытурит в два счета, вежливо указав перстом на дверь. Но именитые ленинградские игроки здесь в почете, даже если они не актеры и не режиссеры. Хотя в своем роде это тоже артисты, не обделенные ни внешностью, ни талантами. Это, к примеру, Михаил Беркович (директор магазина), Матвей Карпиловский (по прозвищу Киевский), Сергей Григорян (его супруга – буфетчица ресторана дворца) и им подобные достойные личности, не имеющие отношения к театрам. Их поле деятельности – игра на зеленых столах без посторонней режиссуры: сам себе актер, сам режиссер. Появление их в бильярдной означает предстоящую интересную кушевую игру и заинтриговывает присутствующих.

«Матвей Семеныч! На стол моя очередь, сколько крестиков дадите?» – послышалось при его появлении предложение игры пожилого

актера театра Комедии Семена Евсеича. Киевский, свысока поприветствовав публику, с характерным «малоросским» прононсом ответил: «Семен Евсеич, вы же знаете мои условия, зачем спрашиваете? По червонцу – два, по четвертному – три, по пятьдесят – четыре». Семен Евсеич – игрок посредственный, а фора приличная и куш заманчивый. Поначалу замялся, не зная, какую фору выбрать; но соблазн велик, добавок он при деньгах: зашел сюда сразу после репетиции и зарплаты. «Бог троицу любит – пошли по четвертному», – с деланной бравадой махнул он рукой. «Годится, Семен Евсеич, расставляй шары», – произнес Киевский, снимая пиджак и закатывая рукава сорочки. Как дающий фору, он разбил пирамиду и увел биток на короткий борт «Домика». После разбоя на игру выкатилось пару шаров, но биток, «приклеенный» к борту, не давал вариантов, кроме «отыгрыша». Обойдя с видом знатока стол, Семен Евсеич в красивом стиле изготовился к удару, забыв при этом помелить наклейку. Артистично расставив пальцы левой руки по борту, он правой так замахнулся кием, что удар вышел киксовый: биток описал дугу и скатился в среднюю лузу, не задев при этом ни одного шара. Опешивший артист в изумлении направил кий на лампы софита и, удостоверившись, что он все-таки ровный, помелил наклейку. А Матвей Семеныч, невозмутимо подойдя к полке, стер два креста. «Хорошее начало», – подумал он, намеливая кий и готовясь к удару. «Ни хрена себе уха», – параллельно ему подумал комедиант, развязывая узел галстука и готовясь к худшему. Пользуясь замешательством артиста, Киевский «подбирал» шары один за другим, «снимая с кия» по два–три. Семен Евсеич тем временем тщательно мелил перед ударами наклейку и, переусердствовав однажды, раскрошил мел на стол, за что получил втык от маркера. Настроение падало, но он не подавал вида. Киксов больше не было, но и шары не шли. Естественно, эта партия осталась за Матвеем Семенычем.

Снимая шары с полки на вторую партию, комедийный артист с пафосом предложил Киевскому: «А что, Матвей Семеныч, пошли в этой партии на четырех по пятьдесят? Или пан, или пропал». «О чем разговор, Семен Евсеич, – завсегда рады удружить, пойти, так сказать, на встречу интересам служителю сцены», – поддержал инициативу Киевский. Интерес на бильярде у всех один – забрать играючи у противника то, что тебе не принадлежит, но может перекочевать в твой карман при определенных условиях. Четыре креста – большая фора, и комедиант, «хлебнувший горячей ухи» в предыдущей партии, во что бы то ни стало решил выиграть вторую. Иначе домой придется идти без продуктов, налегке. Играл он очень аккуратно, мелил кий перед каждым ударом и добросовестно подбирал всю «мелочь», которую выкатывал ему Киевский. В итоге на столе осталось три шара: биток, десятка и пятерка. У артиста партия в любом, а у Киевского – только в девятке, но если он спишет один крест, то бишь даст пять очков, победа будет за театралом. Тем не менее, он спокоен, чего не скажешь о комедианте. К нему прицепился мандраж, он занервничал, стал отвлекаться на сторону, поглядывать

на часы, зачем-то снял галстук и сунул его в карман брюк, уронив при этом на пол кий. И, естественно, он при отыгрыше выкатил девятку Киевскому на удар по короткому борту. Считай, вторая партия проиграна – Матвей Семеныч такие не мажет. Но слабая надежда всегда теплится в таком случае, и Семен Евсеич с плохо скрываемым волнением «помаячил» и встал у лузы. Не обращая на этот маневр внимания Киевский спокойно прицелился и на среднем ударе положил девятку в угол. Актер, потеряв самообладание, натурально, без позерства, стал заваливаться в обморок на сидящих рядом зрителей. А биток тем временем, отразившись от длинного борта, дуплетом скатился в угол. Но Семен Евсеич уже этого не увидел, он был в отключке. Кто-то, прощупав его пульс, громогласно объявил: «Наш пан упал, но не пропал!» По правилам партия была за ним: девятка выставлялась на точку, и ему в плюс шли пять очков. Но в тот момент театралу было не до того – важнее выигрыша был нашатырь. Пока за ним бежали к администратору, незадачливого актера уложили на стулья и долго хлопали по щекам. Нюхнув нашатыря, он дернулся, открыл глаза и недоуменно шепотом произнес: «Я где? А разве репетиция не закончилась? А зарплату выдавали?» «Пока нет, но аванс могу выдать. Как будем играть следующую?» – помогая ему подняться, в свою очередь спросил Киевский. Окружающие дружно захохотали и под руки повели театрала в гардероб.

А мы мораль отсюда извлечем:
Всегда закон блюдите за столом,
Как принято у старых игроков –
Не падай духом ты, ни телом
До полной остановочки шаров.

С правым боковичком,
Б. Ш. «13-й»

Как сломался Телевизор

Ленинград, 1985 год, бильярдный клуб Дома офицеров ЛВО. Зал открывался в 12 часов и закрывался в 22 часа. Вход тоже со строгостями: только для действующих и отставных офицеров. Но к открытию подтягивалась разнообразная публика, то бишь гражданская. Маркеры смотрели на это сквозь пальцы. В основном клуб посещали завсегдатаи, ходившие сюда каждый день, как на работу. В общем, народец собирался разнообразный и почти весь он отражен в дружеских шаржах И. Куличука в поэме «Игроки» и эпиграммах П. Александрова в «Бильярдной лирике».

В этом повествовании речь пойдет о незаурядном игроке – Коле Телевизоре. Обладая веселым нравом и бурным темпераментом, в игре, тем не менее, он был осторожен, любил «помазать» и «зайти в долю». В один из будних дней, важно прохаживаясь по бильярдной

и не имея интереса ни за одним из шести столов, Николай Григорьевич скучал. Пребывая в хорошем настроении после вчерашней «наживы», он и сегодня был бы не прочь покатать шары, но лохов в этот момент не было и интереса на стороне тоже. Обратив внимание, что часовая стрелка настенных часов приблизилась к 14 часам, он зычным голосом на манер арии известной оперы пробасил: «Уж два часа, а Мичмана все нет!» «Пока не время – у нас еще в запасе есть несколько минут!» – вторит ему со стола кто-то из играющих. Саша Мичман – военный моряк – почти ежедневно в два часа дня как по команде появлялся в бильярдной после службы. Бильярдом он увлекся на флоте, а в Дом офицеров ходил оттачивать свое мастерство на больших столах. За полгода тренировок он хорошо поднял игру, но от внимания Телевизора этот нюанс ускользнул, поскольку он всегда был занят на коммерческих играх.

Через пять минут после исполнения куплетов дверь бильярдной открылась и, легкий на помине, в морской форме появился Мичман. «Мы тебе прогул хотели ставить – уже пять минут третьего, – подколол его Телевизор. – Ну что, сыграем в московскую по трешке? Шарика даю!» Да что по трешке – давай по пятерке», – почуввав фарт, предложил Мичман. Телевизор – игрок со стажем, осторожный в таких ситуациях – почему-то сходу согласился. Сегодня он благодушествовал: вчерашняя игра была удачной, нажил прилично. «Ставь пирамиду, Саша, я пока отлучусь на минутку», – бросил он, направляясь к туалету. Войдя в курилку и миновав унитаз, он сходу предложил дымящим игрокам зайти к нему пополам в долю. Желающих не нашлось: кое-кто уже на себе проверил мичмановскую кладку. Лишь тезка Пузырь предложил ответить за себя. Делать нечего, сводка состоялась, придется рисковать одному, да еще отвечать на сторону.

Вернувшись к столу слегка расстроенным, Телевизор первым ударом разбил пирамиду в лоб, видимо, решив покуражиться. Биток, пущенный с оттяжкой, отразился от пирамиды и встал по левому борту на расстоянии 30 см от него и средней лузы. Но в угловой лузе по правому борту зависла подставка, которая была закрыта разбитой пирамидой. Мичман с высоты своего роста оценил ситуацию, но ударять не спешил и не предлагал снять подставку, чтобы не заниматься отыгрышными ударами-тычками. Сыграть системой шаров тоже не представлялось возможным – все было замазано и не просматривалось.

Пауза затянулась, и Телевизор, не выдержав, предложил ему аферу: «Сыграешь подставку за партию? Забьешь – твоя партия, не забьешь – моя». Вариант был один – сыграть подставку ударом-перескоком. Удар этот Мичману был известен, но в этой бильярдной он его не демонстрировал. Тем не менее он согласился на предложенную аферу. Тщательно помелив наклейку, Саша согнулся пополам, прицелился и, как снайпер, выстрелил ударом-перескоком. Биток перелетел через пирамиду и точно попал в шар-подставку. У оторопевшего от такого трюка Телевизора отвисла челюсть. Афера не прошла, и он, собирая шары в треугольник, предложил играть дальше по червонцу, но на равных. Мичмана кушом не испугаешь, и он в свою очередь, разбив пирамиду, пошел на перекур.

К Телевизору тут же подкатил Пузырь и предложил на тех же условиях продолжить пари. А вошедший в курилку Саша Петля, улыбаясь, со-стрил: «Не знал, тезка, что ты на флоте командуешь орудием. Открой секрет, что там у тебя за пушка?» «Скорострельная», – ответил Мичман, гася окуроч, и, поднявшись с подоконника, вышел в зал.

Последующие три партии он буквально «отбирал» у Телевизора, проводя серии, когда тому оставалось до финиша забить один–два шара, а Саше четыре–пять. Игра проходила в таком накале, что веселое настроение Николая Григорьевича улетучилось, и он посмурнел. И когда по истечении двух часов игры маркер громогласно объявил, что время вышло и пора освобождать стол для следующей пары игроков, озлобленный Телевизор хрястнул кием о борт стола, да так, что он рассыпался в щепки, а в руках у него остался только турник. Ошеломленный от такого кикса, он недоуменно глядел на огрызок, потеряв дар речи. Итог баталии для него оказался плачевный, как говорится, тройное «попадалово»: проиграл Мичману, отвечал «на сторону» Пузырю, да вдобавок остался без кия. От такого казуса Телевизор не сразу пришел в себя, и из курилки долго слышался его возмущенный глас. А посмеивающиеся игроки быстро сочинили стишок:

*Какой пассаж, какой позор –
Лишился кия Коля Телевизор!
А Саша Мичман он не прост –
Наказан им большой прохвост!*

Мораль сей байки из игры всплыла:
Продувшись, не стучи кием о борт стола,
Не концертируй в бильярдной пред людьми,
Игрок повыше может оказаться за дверьми.

С назиданием,
Б. Ш. «13-й»

Как Чаплин Паучка словил

Появление Миши Чаплина в бильярдной Дома офицеров всегда вызывало интерес и оживление. Он был редким гостем и заходил сюда скорее под настроение, нежели под игру: публика здесь собиралась осторожная и не кушевая, не его масштабов. Так и в этот раз, войдя в зал и поприветствовав играющих за столами и сидевших вдоль стены зрителей, он направился в левый угол у первого стола. Там собирались заядлые дольщики и мазильщики, такие, как Бегемот, Телевизор, Пиночет, Хрипатый, Петля, Пузырь и иже с ними. Приход Чаплина вызвал у них душевный подъем и приподнятость настроения: появилась возможность заработать на долях или мазе, если, конечно, Миша грамотно сведется.

«Слушай, Миша, что-то я ни разу не видел, как ты с Паучком играешь – он на шестом заканчивает последнюю партию», – просипел ему

Хрипатый, который «пролетел» на мазе с Паучком и искал вариант реванша. «Да, Миша, это упущение с твоей стороны», – улыбаясь во весь рот, попытался сосричь Телевизор. – «Давай, сводись, а мы к тебе в долишку зайдем».

Чаплина долго уговаривать не надо, и он, помедлив, завернул во второе помещение. К Паучку он давно подбирался, поскольку знал, что тот «насосал» с местной и залетной публики: без выигрыша редко уходил и мощну поднабил не только с бильярда, но и с картежной игры. «О, Миша, привет! Давай скатаем на пять-десять, пока стол свободен», – скосив под дурачка, воскликнул Паучок. Чаплин промолчал, сделал наивное лицо, и, поворачивая головой влево-вправо, спросил: «Виталий, а ты с кем сейчас разговаривал? Вроде тут лохи не просматриваются». «Ладно-ладно, знаем мы «ху из ху», – ухмыльнулся Паучок, сверкнув стальной фиксой, – давай на шесть-девять попробуем за твой тройной ответ», – продолжал он разводить темноту. «Знал я, что тут есть мастера фору заправлять, но наездников кривых кобыл впервые вижу; придумай что-нибудь другое», – бросил Чаплин, отворачиваясь от стола. «Пока я буду придумывать – стол займут. Как хочешь, дело твое», – ответил Паучок, убирая кий в шкаф. Шестой стол для него как денежный станок – редко кто у Витальки на нем выигрывал. Для Чаплина же предпочтительней первый или второй столы, самые раскатистые; а вариант сводки он уже заготовил. «Ну, тогда я буду придумывать. Сколько дашь мне форы, если я буду играть другим концом кия?» – забросил удочку Миша. «Нисколько, знаем мы этот номер, слышаны. Даже на равных не встану, придумай что-нибудь другое», – увильнул лещом Паучок. «А если я машинкой буду играть?» – перебросил удочку Чаплин. «Как это – машинкой?» – заинтересовался наживой Виталька. «А той дощечкой, через которую кий проводим при ударе», – пояснил Миша и одновременно подумал: «Должен заглотить, но подсекать рановато».

Виталий взял машинку и попробовал ей ударить по шару. По его понятию, вышла несурязица: «теща» издала звук деревянной ложки о стену, загасив силу удара. «Четыре шара дам», – загубив наживку, произнес Паучок. «С твоей игрой четыре шара мало, на пяти я попробую», – наблюдая за поплачком, взял в руки удилище Чаплин. «Ладно, поехали на три-восемь», – заглотил наживку Виталик. «Поехали, но на втором столе», – сделал подсечку Миша и положил удилище. Поплавок весело заиграл. «Уже на крючке, пусть поплавает, а пока надо зарядить куш», – подумал Чаплин, примеряясь к машинке. Пока Виталий ходил за кием в соседнее помещение, Миша взял «тещу» и обследовал ее. Тонкий конец деревянной ручки на полсантиметра выступал за наружную плоскость направляющего прямоугольника. «То, что надо – как раз под клапштос», – удовлетворенно подумал он, собирая шары в треугольник, а вслух произнес: «Пошли по стольнику?» «Как скажешь, давай по стольнику», – ответил Паучок, а про себя подумал: «Ну, Миша, держись, ты влип, кажись» и, настроившись на боевой лад, с кием наперевес

изготовился к удару. Аккуратно разбив пирамиду и уведя биток назад в домик к борту, он улыбнулся и удовлетворенно зашаркал мелом по наклейке. «Посмотрим, как будешь «тещей» от борта отрывать», – подумал он.

Чаплин тоже густо помелил угол дощечки и тихонько подкатил биток к вершине пирамиды. Это было единственное неудобное положение в игре для него; остальные удары при его феноменальном глазомере исполнялись почти без ошибок, и Паучку самому зачастую приходилось отрывать биток от борта. Несмотря на его сверхакуратную манеру вести поединок, игра шла по своим законам. На расходных партиях «в последнем» куши удваивались, затем учетверялись, и к закрытию бильярдной Паучок проигрывал 1 200 рублей. Поскольку игра шла по-крупному, маркер на свой страх и риск разрешил играть до 23 часов, хотя зал должен закрыться в 22 часа. Сыграли еще две партии по 400 рублей, и обе Чаплин выиграл, а всего в итоге его выигрыш составил 2 000 рублей. А это по тем временам – новый мотоцикл с коляской, на котором Виталька мог гонять по бездорожью за грибами-ягодами и удить рыбу на червя в лесных озерах. Да, видно, не судьба.

Когда в курилке радостные дольщики и мазильщики поздравляли Чаплина и друг друга, подошедший к нему старый партнер Пушкинский пожал руку и удивленно спросил: «Миша, ну как ты смог у этого лиса отобрать за вечер то, что он «насосал» тут за полгода?» Чаплин невозмутимо ответил: «Очень просто. Есть такие игроки, которых за малый куш фиг зацепишь, а по алчности, на большом, они лезут в дышло, как конюх того захочет. Вот и весь секрет». «Да, но ты же не конюх, а игрок», – заметил Пушкинский. «Вот в том все и дело», – ответил Чаплин. На сим ответе все разошлись: кто по домам, а кто в ресторан; а мы извлечем отсюда мораль: «Не соблазняйся на дешевый трюк – подвох возможен, а потом каюк».

*С клапштосом,
Б. Ш. «13-й»*

Пушкинский, вешалка и Матрос

Аналогичные авантюрные номера, как вышеописанный, устроенный Чаплином с машинкой, практиковались опытными игроками и ранее: играли ручкой от швабры, турняком кия, костью, кнутовищем, носком снятого ботинка и тому подобными приспособами, с помощью которых можно было изъять излишек денег у слишком любознательных. А вот какой номер провернул Володя Пушкинский в начале 1980-х годов в бильярдной ЦПКО. В те времена бильярдная переехала из бывших Елагинских оранжерей на второй этаж бывших конюшен. Пионерами, открывшими бильярдную в ЦПКО в 1978 году, были старые питерские игроки Андрей Косой и Михаил Беркович. Это была самая общедоступная бильярдная в Ленинграде, в которой всегда было полно народу. О том, какая там

собиралась разношерстная публика, можно было судить по прозвищам игроков: Слава Курносый, Саша Трамвайщик, Володя Троллейбусник, Слава Метро, Толя Устрица, Паша Мент, Оська Чижик, Жора Щербатый, Гена Буратино и иже с ними. А в перерывах между борождением океанских просторов зааживал туда молодой Саша Матрос. Неизвестно, измерял ли он когда-нибудь на голову матросскую бескозырку Балтфлота, но манеры у него были отнюдь не бесшабашные морские, а скорее сухопутные, и прозвище ему можно было дать другое, типа «где сядешь – там и слезешь». Был он всегда упакован «бабками», и опытные игроки всячески старались подпутать его. Особенно усердствовал маркер Викентий, но безрезультатно.

В один из его визитов в бильярдной скучал без партнера Володя Пушкинский. Увидев вошедшего с приятелем Матроса, он, улыбаясь, стал «подъезжать» к нему: «Саша, а не сыграть ли нам в какую-нибудь интересную игру? Уравняем шансы форой – и вперед». Но Матрос, прошедший суровую школу судового боцмана, дал задний ход: «Какая может быть с тобой игра – ты ложишь всех подряд», – склонив голову набок, ответил он. «Так потому я и фору предлагаю; много не дам, но на двух попробуем», – ссутулился Пушкинский над столом и ударил кием по шару. Тот с треском влетел в лузу. «Ха-ха, на двух – поищи кого другого», – пробаритонил Матрос, обходя стол. Пушкинский развернул кий другим концом и попытался сыграть шар. «Хорошо, давай ты мне два шара – я буду играть толстым концом», – не отставал Володя; ему не хотелось отпускать денежного клиента. «Вот если бы ты вообще другим концом играл – тогда бы я попробовал», – сострил Матрос, увиливая от нависшей «лапши». «Чего бы ты попробовал? Еще предложи мне вешалкой сыграть», – ответил Пушкинский, стукнув по шару. «А что – это идея», – засмеялся Матрос и, подойдя к металлической вешалке-стойке, попытался оторвать ее от пола. «Тяжелая зараза», – подумал он, прикидывая вариант игры. «Давай, ты будешь играть вешалкой, а я другим концом кия», – предложил он Пушкинскому.

Пушкинский подошел к вешалке, поднял ее и попробовал взять наперевес. Четыре ножки торчали в разные стороны. «Хорошо, давай попробуем, мне – один, тебе – четырнадцать», – «подписался» он на авантюру. «Ну да, нашел идиота, один-то всяко дураком упасть может», – отпарировал Матрос. Порядившись минут пять, все-таки определили фору и куш: 3–12 и куш по сто рублей. Куш по тем временам считался большим – такой была зарплата врача или рядового инженера. Каждый подобрал себе игровой инструмент по руке. Правда, у Пушкинского выбор был небогатый – всего три вешалки, но он долго к ним примерялся, потому что все были разные. У одной не хватало ножки, у другой – штырей для шляп, а третья вообще была кривая. Из каких-то соображений он остановил свой выбор именно на кривой с пластмассовыми наконечниками на ножках. Посмотреть на представление собралась вся бильярдная; жаль, не было видеокамеры. Матрос все время пытался прислонить биток к борту после забитого шара, потому

что для Пушкинского это была глухая ситуация. Но, видимо, в армии он имел дело с миноискателем, поскольку с вешалкой управлялся профессионально. Не хватало только наушников и прибора за плечами. Тем не менее, в процессе игры он выставил два шара и частенько киксовал. Чего нельзя было сказать о Матросе: кий он выбрал с резинкой на конце турняка и не киксовал вовсе, а шары забивал без характерного треска. Но фора была удушающая, а партнер не фантик, и после часовой перестрелки он все-таки проиграл. Тем не менее, ему крупно повезло: всего за сто рублей он почерпнул бесценный опыт аферных игр. Многие впоследствии попадались на его «мульки». Пушкинский тоже в накладе не остался: нажил столярник, вспомнил армию и подкачал бицепсы.

Такое кино в комментариях и моралях не нуждается, не правда ли?

Б. Ш. «13-й», с нижним левым

Кий вдребезги или шар пополам

(может, правда, а может, и быть)

Вышеописанные два случая можно назвать даже не игровыми казусами, а цирковыми номерами. А вот казусный случай приключился с Юрием Миловановым в 1979 году в бильярдной ЦПКО, когда она еще находилась в бывшей Елагинской оранжерее. Не вспомнить точно, с кем он играл, но ситуация в игре сложилась так, что на столе остались два шара, т.е. игра вышла «в последнем». На ударе Милованова чужой шар встал на резке в 10-15 см от длинного борта и в полуметре от угловой лузы. Играть битком нужно было почти через весь стол. Всем известен мощный, шокирующий удар Милованова, так называемый «хук правой». Намелив наклейку и тщательно прицелившись, он выстрелил битком, как из пушки. Сначала никто ничего не понял: чужой шар раскололся пополам, и одна его половина колесом въехала в лузу, а вторая таким же манером переехала через борт и, описав дугу, пролетела метра три и шлепнулась на соседний стол. В том, что шар лопнул, ничего удивительного нет, поскольку в те времена в Советском Союзе шары изготавливались двумя заводами – Днепропетровским и Нижне-Тагильским. И те, и другие отливались из разных сортов пластмасс: днепропетровские шары по цвету были белыми и более упругими, а ниже-тагильские желтоватые и колкие. Их изготавливали на Нижне-Тагильском танковом заводе из определенного сорта целлулоида, которым заполнялась танковая броня для защиты от кумулятивных снарядов. Снаряды эта пластмасса держала и гасила, а вот бильярдные удары не выдерживала и трескалась. Так было и в нашем случае. После Юриного бронебойного удара ошеломленные зрители на секунду замерли, а потом дружно захохотали. Но игрокам было не до смеха. Куш разыгрывался приличный, а ситуация возникла парадоксальная: то ли считать шар сыгранным в лузу за забитую половину, то ли фиксировать штраф за вылет второй из пределов стола. Собрался консилиум. Долго

судили-рядили, но к консенсусу так и не пришли, пока маркер Беркович не предложил разумное решение: сравнить обе половины, и какая из них будет больше, тот вариант и засчитывать. Но по закону подлости шар раскололся пополам. Половинки взвешивали на руках, рассматривали на свет, клали на стол и так, и этак, «простреливая» на манер геодезиста и используя в роли нивелира треугольник. Визуально невозможно было определить, какая из половин больше. К однозначному выводу прийти не смогли, видимо, из-за нежелания вступать в проблему. Но опять тот же Беркович предложил взвесить на весах обе половины, и чья будет тяжелее – за тем и победа.

Делать нечего, и с согласия противоборствующих сторон поместили обе половины и отправили делегацию в ближайшую аптеку, благо она была рядом с парком. Там, взвесив их на аптекарских весах с точностью до миллиграммов, убедились, что победа в партии досталась Милованову. Справедливость восторжествовала.

*В трещинах, но целый,
Б. Ш. «13-й»*

Пашка Рыбина

Он появился в бильярдной незаметно. Круглый, невысокого роста, с оттопыренными ушами пацан крутился вокруг столов и вроде бы никому не мешал, но потихоньку, при наличии свободного бильярда, начал поигрывать. Если бы не случай, его никто бы и не заметил. Мало ли шалопаев крутится в бильярдных. Первым Пашку засек старый уважаемый всеми мазильщик Карп, в народе Василий Поликарпыч Введенский, его все давно знали как одного из лучших в городе знатоков игорных премудростей. И Поликарпыч, распознав в круглолицем сопляке пытливый ум, русскую смекалку и природную алчность к халяве, привадил к себе, решив на старости лет сделать из него своего последыша. Завсегдатаи часто видели их, сидящих в дальнем углу бильярдной, где проходили сильнейшие партии или крутилась игра на интерес, неважно во что. А играли в карты, нарды и шахматы, домино, шашки и даже в шешбеш и трясучку. Но интересно, что эта парочка не была замечена в каких-либо играх, и самое смешное, что даже Карп не влезал в любые мазы, хотя были и достойные предложения. Сейчас можно сказать по прошествии времени, чем они занимались. Карп скрупулезно объяснял Пашке, что почем в игорном деле. А закавык и афер в игре существует великое множество. С уверенностью можно утверждать, что нет такого человека, кто бы мог описать все нюансы игрового мира, так как настоящие профессионалы должны быть умнейшими людьми и великими артистами. Создание любого приема, который поможет тебе выиграть, – это только твоя заслуга, и многие игроки свои тайны уносили с собой.

В конце 1980-х в Ленинграде была всего пара открытых бильярдных плюс три-четыре с привилегированным входом, так что все игроки,

картежники, мазильщики, прочий игровой мир знали друг друга наперечет. Традиции «игровых» и никем не писанные законы поведения соблюдались не чета сегодняшним временам. Поэтому-то Карп без малого год натаскивал Пашку на игру. Учил всему, что знал и от других слышал.

Как-то заезжий лох с севера проиграл не только свои кровные, но и солидную сумму казенных денег. Поскольку был военным полковником, решил тут же побегать куда следует и «настучать», что, якобы, его обокрали. Тут же поднялась буча, хотя его никто за руку не тянул и вообще никто тогда не доказал, сколько он проиграл и сколько прогулял. Но факт этот быстро раздули, и даже в ведущей газете города написали разгромную статью. Правда это была или нет, но чиновники разбираться не стали и от греха подальше закрыли центровую бильярдную. Игровая братия расплзлась по городу, кто в Академию к медикам, кто на острова, а кто и в Сосновский лесопарк, благо было лето. В первых числах сентября у игровых произошел большой праздник – впервые за время капиталистических перемен в городе открылась коммерческая бильярдная на шесть столов. После подвальных помещений это был дворец с большими окнами, высоким потолком и хорошим освещением. На открытие собрался весь цвет бильярдистов. Не обошлось и без Поликарпыча со своим хвостиком Пашкой.

Новые столы для игрока, особенно в те 1980-е годы, всегда являлись предметом пристального изучения. Все понимающие в игре люди прекрасно знают, что идеальных столов не существует в природе, а особенно при кустарном производстве. Поэтому никто не обратил внимания на Пашку, который битый час лазил по столам и что-то вынюхивал. Ближе к полуночи, когда накал поединков спал и народ начал потихоньку разбредаться по домам, на втором столе сошлись два монстра питерского бильярда – игрок со стажем и всероссийской известностью Юра Голубь в паре с молодым и очень ушлым Васькой Гвоздем. Играли по приличному кушу. Вокруг стола собралась толпа – не только заинтересованные лица, но и просто любители посмотреть серьезную игру мастеров. Карп, не выдержав напряженного дня по причине преклонного возраста, уехал домой и впервые оставил без присмотра своего преемника Пашку. И вот тут-то настал звездный час молодого человека противной наружности. Как только Пашка почувствовал свободу, он мгновенно, как бы невзначай, подплыл к одному из зрителей игры. Это был далеко не лох, а игрок на бильярде с приличным стажем, в тот период входящий в десятку сильнейших игроков Питера, Гена Шланг. Все знали, что он высокомерный и очень амбициозный малый под два метра ростом. Пашенька очень льстиво и мягко предложил Шлангу после очередного забитого элементарного шара, который был примерно на расстоянии в 50 сантиметров от лузы, на спор сыграть такого же, за что получил серию выражений нелитературного содержания. И это понятно, поскольку забитый шар в партии, которую они смотрели, не составлял какой-либо сложности для игрока средней руки. Перекурив и выждав удобный случай, Пашка опять

пикирнул на Шланга. А случай был прост, как все гениальное. На финише игры «в последнем» Гвоздь положил чужого шара через всю посуду с точки дома. Пашенька опять очень мягко, но с подколом предложил Шлангу: «Слабо также класть с точки шара раз за разом на спор по чем хочешь? Забил – с меня, не забил – с тебя».

Шланг задумался, понимая, что это уже не простой шар, но, имея амбиции на то, что он один из лучших бильярдистов города, решил показать свое умение «сводиться», предложил: «Играю с любой точки вне дома по чирику (в те времена десять рублей были хорошими деньгами), расчет сегодня». Тут изобразил задумчивость наш лопухий Пашка. Дуэль взглядов обуславливала работу мозга двух мазильщиков. Пашка думал, как учил его Карп: «Держи паузу, она дает правдивость твоим словам, даже если ты уверен на 100 процентов в своем успехе». Шланг думал, не прокололся ли он, но понимал, что: ставя рукой своего шара туда, откуда он может забить с точки дома чужого, не составляет большого труда. Не прошло и трех минут, как Пашка нехотя выдал из себя: «Пошло-о-о!» После согласия Пашки Шланг, как выигравший миллион, пошел за ним куда повели, и это была его главная ошибка в этом пари. Они пришли к пятому столу, и Пашка элегантно поставил туза на точку, а Шланг, в свою очередь, схватил шара, поставил точно по прямой на небольшом удалении и с треском положил чужого. Пашка изобразил на своем лице такую гримасу, что в радиусе километра содрогнулись даже курицы. Шланг торжественно заявил: «Чирик с тебя!» Пашка медленно и неохотно достал шар и опять поставил точку; тут же через секунду он был в лузе. Делать было нечего, Пашка терпел и ставил шары. Не прошло и пяти минут, как Шланг начал промахиваться чаще, чем забивать, а Пашка тупо ставил шар на точку, но именно туза, и со стороны это было странно. Не прошло и двух часов, как со Шланга был косарь (тысяча рублей), а Пашка монотонно ставил «туза» на точку. Шланг был не настолько дураком, чтобы продолжать, и решил завязать. Но предусмотрительно заявил: «Деньги завтра в 12.00, но объясни, что я здесь жрал». «Нет проблем, – сказал Пашка, – но будут деньги – будет разговор». На следующий день ровно в 12.00 Пашка был на месте и, самое странное, Шланг не заставил себя ждать, хотя и не отличался пунктуальностью при расчетах. В это время, похоже, Шланг был на подъеме, так как выложил «косарик» на сукно без промедления и без всякого торга – не зря он занимался фарцой на Гостинке. Пашка чинно пересчитал деньги и, убедившись, что все честно, попросил Шланга взять туза на пятом столе и примерить к левой угловой лузе, расположенной в доме. В ту же секунду, когда Шланг понял, что именно туз был на пару миллиметров больше зажатой лузы, которая была явно меньше остальных, он заорал благим матом: «Пашка, ты сволочь! Хвостик от Карпа, и сам ты стал рыбиной».

Никто не знал еще, что в прошлую ночь Карп скончался, и дебют Пашки был на память ему. И теперь, благодаря Карпу и Шлангу, Пашка получил заслуженную кличку Рыбина.

Дело было в Комарове

В конце 70-х годов прошлого столетия бильярдный клуб Дворца Искусств на Невском проспекте закрыли как заведение, компрометирующее Театральный союз. Стояли там два старинных русских бильярда и один безлузный карамбольный. Публика собиралась в клубе достойная – от именитых актеров и режиссеров ленинградских театров до центровых питерских игроков, не имеющих отношения к высокому искусству.

И те, и другие глубоко сожалели о бильярдной, отправляли делегации в соответствующие инстанции с ходатайствами, но решение властей было безоговорочным – клуб прикрыли. Два стола – большой русский и карамбольный – перекочевали в Комарово в Дом отдыха театральных деятелей, а третий – к властьпредержащим на закрытую ведомственную дачу.

Перевозил и собирал столы уникальный питерский игрок со стажем – Петр Ильич по прозвищу «Чайковский». Эта музыкальная кличка не очень соответствовала его внешности и поведению матерого игрока, и поэтому бильярдисты меж собой называли его за выдающийся дыхательно-нюхательный инструмент Петя-Носорог. Игрок он был сверхосторожный, но нюх его иногда подводил, и он на этом частенько «горел».

Это о нем была сочинена малоизвестная эпиграмма:

*«А Носорог, тот, может быть,
Порой хитрей себя бывает:
Где можно было бы нажать,
Там Петя даром попадает.
Ни вам, ни нам его учить,
Но он ошибку сделал сразу:
Вместо того, чтоб получить,
За треть цены он продал «мазу»».*

Не зря говорится: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Зато он был неплохим мастером по ремонту бильярдных столов, а эта работа всегда высоко ценилась.

В те времена директором комаровского Дома актера был сын знаменитого театрального режиссера Георгия Товстоногова. Он с энтузиазмом воспринял весть, что на крытой веранде первого этажа будут установлены два бильярдных стола, поскольку сам был любителем бильярда. Изыскав немалые средства на ремонт столов, он щедро рассчитался с Петром «Чайковским», с лихвой покрыв все его полугодовые доходы с зелени бильярдных полей.

В открывшуюся бильярдную стали подтягиваться ленинградские и зеленогорские игроки, в основном по выходным дням. Народу собиралось много, всегда была очередь, но ожидающие не скучали, поскольку у всех «с собой было». Если же не хватало, то отправляли в магазин гонца.

Маркерил тогда всеми уважаемый Дмитрий Иванович – бывший маркер Дома офицеров. Через стенку бильярдного зала находилась его каморка с диваном, стулом и столиком – атрибутами не только

житейского уюта, но и предметами увеселительного времяпрепровождения игроков, ожидающих очередь на стол.

Игры затягивались допоздна, вплоть до отхода последних электричек. Ночные же игры воспрещались, так как нарушали драгоценный покой отдыхающих.

Особенно «теплым» для игроков бильярдная становилась зимой в морозные деньки. В один из таких субботних дней сюда заявился раскрасневшийся от лыжного кросса к Щучьему озеру бильярдист Сашка Лыжник, как называл его маркер.

Ленинградские игроки прозвали его «Прокурором», поскольку служил он в военной прокуратуре, зеленогорские игроки окрестили «Гebbельсом» за большое сходство с фашистским оригиналом. Набор кличек довольно редкий и солидный. Лыжник занимал очередь, ставил в угол лыжи и усаживался в сторонке.

Как лыжник бегал на лыжах, никто не видел, но играл на бильярде по тогдашним меркам неплохо, хотя редко уезжал «в плюсе»: лохи были наперечет и уходили рано. Однажды он заигрался с маркером допоздна, поскольку был под мухой. И оторвать его от стола было трудно.

«Саша, пора заканчивать, доиграть партию не успеем – скоро последняя электричка», – учтиво предупреждал Лыжника Дмитрий Иванович. «Брунда, я на лыжах домчу до платформы стрелой», – забывая шар в лузу, самонадеянно ответил тот.

«Смотри, тебе виднее – до прихода поезда двадцать минут», – уточнил маркер. Отыгрываться он умел хорошо и поэтому партию закончить не дал. За пять минут до прихода поезда Лыжник выскочил через дверь веранды, добежал до шоссе, приладил лыжи и замахал палками в направлении платформы.

Но электричка подошла чуть раньше, подобрала одиночных пассажиров и пронзительно свистнув, покатила в сторону Ленинграда. Этот свисток мгновенно отрезвил и ошеломил Лыжника. Назад возврата не было – Дом отдыха для ночных пришельцев закрыт. Почему-то вдруг вспомнились слова известной песни про последнюю электричку и шпалы. Этот вариант он отверг – чай, не лето. Отстегнув лыжи, он вошел в помещение кассы. На его счастье, кассирша была еще на месте. Он испросил у нее разрешения остаться в помещении на ночь, благо там в углу стояла круглая печь. Кассирша оказалась сердобольной женщиной и снабдила его спичками, посетовав на то, что с дровишками худо, – все истопила за смену в своей каморке.

«Не беда, любезная, где наша не пропадала – раскочегарю чем-нибудь, кругом природа, – успокоил ее Лыжник бравым голосом – ты меня только снабди газеткой на растопку».

С этими словами Лыжник натянул рукавицы, и с песней о лесорубах наладился на заготовку хвороста. Затрещали на морозе кусты боярышника и сирени; лишились нижних ветвей белоствольные березки. Натаскав целый ворох сучьев, Лыжник растопил печь, прикрыл дверь помещения и настроился покемарить.

Да не тут-то было: сон не шел, а шел колотун, потому что не шло тепло. Мелькнула мысль спалить в печке лыжи: в такой ситуации все какая-то от них польза. Но Лыжник ее отогнал и спроворился опять на заготовку хвороста. Так и ломал всю ночь с перерывами сучья, больше греясь от этой работы, нежели от печки.

Но ничего – сдюжил. Сказались воинская закалка и сметливость. Под утро ему крупно повезло: первая электричка прибыла из Выборга, хорошо протоплена и полна народа. Никогда он так не радовался теплу и людям. Вдобавок, по итогам бильярдной игры Лыжник на этот раз был «в плюсе». Внакладе остались железная дорога, он проехал «зайцем», и комаровская природа.

Реальный случай сей
Послужит вам примером:
Коль хочешь быть здоров,
Бильярд не совмещай душой и телом –
Ты с лыжным делом.

Рысь против Льва (незвериная история)

В офицерском бильярдном клубе на Литейном проспекте Лев Григорьевич Бенкис обычно появлялся глубокой осенью, неожиданно, «как снег на голову». Это был статный муж с внешностью и манерами, соответствующими его имени и репутации среди обитателей сего заведения с зелеными столами. Сходство с «царем зверей» вырисовывалось в его неторопливой, размеренной походке, гриве седеющей шевелюры и хитроватом выражении лица. Последний штрих портрета нисколько не умалял его достоинств, ибо почти у всех завсегдатаев этого клуба было аналогичное выражение на «вывесках».

Характерным было и прозвище у Льва Григорьевича – Фокусник, которое определяло его профессиональную деятельность, связанную со сценой и трюкачеством, именуемую в афишах гипнотическим иллюзионизмом.

Под эгидой Ленконцерта Бенкис гастролировал по «злачным местам» Советского Союза с оригинальными психологическими представлениями интригующего названия – «Чудеса – да и только!». Все чудеса его сеансов сводились к ловкости рук и гипнозу, которым он владел, но не в таком совершенстве, как руками-кудесницами. Желających побыть на представлениях последователя знаменитых в прошлом гипнотизеров-иллюзионистов Вольфа Мессинга и Михаила Куни было предостаточно. Особенно в городах курортных зон побережья Черного моря, куда во Всесоюзные здравницы ЦК профсоюзов съезжалось трудовое население необъятных просторов многонациональной социалистической Родины. Это были излюбленные места гастролирующего Бенкиса, и беззаботная публика восторженно его встречала, искренне недоумевая, каким же образом тому удавалось незаметно снимать с разинь часы

или бусы с сережками, а потом небрежно обнаруживать их в карманах наивных зрителей. Подобных номеров у Бенкиса-фокусника имелась «целая обойма», и они эффектно и почти безотказно исполнялись. Если же иногда происходила «осечка», то он непринужденно обращал казус в шутку.

Веселенькое время заканчивалось для него с окончанием «бархатного сезона». В промозглопасмурную осень Ленконцерт давал своему земляку-иллюзионисту передышку «от трудов праведных», и утомленный разъездами гастролер возвращался в родной Ленинград восстанавливать истощенные силы.

Как говорится, «дома и стены помогают», и отдых в семейной обстановке незаменим для этого. Но надоедлив своим однообразием, а натурам непоседливым бывает даже вреден.

Бенкис вдобавок принадлежал к той когорте артистов, которые, «вкусив зелья» лидера сцены и кумира простоватой публики, по прошествии малого времени по ней заностальгируют и пойдут на сближение через любые препятствия. А если учесть его беспризорное детство и отроческую деятельность в цирке ассистентом у фокусника-иллюзиониста, то тяга Льва Григорьича к публике станет вполне оправданной.

Как-то за обедом он вместо двух традиционных рюмок армянского коньяка «Отборный» ненароком «опрокинул» третью, и его воспрявшая беспокойная натура затребовала праздника и совершения какого-либо подвига. Какого именно, Лев Григорьич знал точно, в отличие от жены, Софьи Борисовны, пребывавшей в идиллическом состоянии от задушевного общения с мужем после долгой гастрольной разлуки.

«Софочка! Пройдусь-ка я в Дом искусств. Разомну члены да сыграю там на бильярде, давненько шарики не катал», – торжественно огоршил он супругу невинной фразой, закругляя трапезу десертом.

«Сходи, разомни, тебя там давно заждались», – истолковал по-своему выразительное молчание Софьи Борисовны повеселевший Лев Григорьич.

Выйдя из парадной на улицу Толмачева, он чуть постоял в раздумчивости и направил стопы не в сторону Невского проспекта ко Дворцу Искусств, а в сторону Манежной площади. Дойдя вдоль Фонтанки до улицы Пестеля, он двинулся по четной стороне к Литейному проспекту, притормозив у дома под номером четырнадцать. Здесь находилась рюмочная «У Екатерины» – излюбленное место бильярдистов Дома офицеров, где можно было и выпить, и закусить, не отходя далеко от клуба.

Войдя в заведение, Бенкис постоял в очереди у стойки, заказал сто грамм коньяка «Наполеон» с лимоном, и у пристенной столешницы, смакуя, отправил императорский напиток по назначению. Выдержав паузу, он повторил заказ и продублировал приятную процедуру.

«Хороший выстрел – прямо в цель», – откомментировал про себя коньячный дуплет Лев Григорьич, и, на ходу закусывая конфетой «Ласточка», в «полной кондиции» прибыл на улицу Салтыкова-Щедрина ко входу в клуб.

«Представление состоится – коробочка полным-полна» – свысока оглядев помещение, оценил ситуацию Лев Григорьич, настраиваясь на боевой лад. Поприветствовав присутствующих, он с видом бывалого игрока прошелся вдоль столов, искоса приглядываясь к играющим. Его, неожиданного, действительно тут ждали – желающих «подпутать» Фокусника во хмелю было немало. При его появлении меж собой перемигнулись Стас Седой и Коля Очкарик, матерые игроки на все лады.

Обменявшись с Бенкисом рукопожатиями, они сходу попытались «взять его на бордаж», но тот «сделал левый бейдевин» в соседнее помещение и «крючья соскочили»: «пираты» остались «при своих интересах».

Вторая «коробочка» также оказалась полной. Оба стола – пятый и шестой, были заняты, сидячие места на диванчиках у стен тоже. На пятом столе молча, с каменным лицом, демонстрировал шародробительную кладку экс-чемпион Вооруженных сил по боксу в полутяжелом весе, подполковник-летун Расстегаев.

С угрюмым видом и «включенным матюгальником» сопротивлялся ему, шлифуя мастерство отыгрыша, майор-тыловик Воробьев. Однако, если партия оставалась за ним, лицо его озарялось улыбкой до ушей, а уста начинали «источать елей», смешанный со смехом.

На соседнем, шестом столе, разминались трое, как на подбор с борцовскими торсами, завсегдатаев клуба – Валера Рысь, Вова Бегемот и Миша Военком. Троица прибыла сюда с Фонарного переулка, прямиком из бани, которую они посещали пару раз в неделю в целях коллективной гигиены.

После истязательных процедур с березовым венником в парилке, разругавшиеся богатыри теперь, на бильярдном столе, практически отработывали теоретическое исследование-эссе на тему «Влияние суммарного биополя игрока и его дольщиков на траекторию движения шара после удара соперника с целью ее искривления при увеличенном куше на гандикапе».

Бегемот и Рысь играли «принцами», Военком – «королем», получая по два шара форы с того и другого и являясь при этом эксперименте подопытным, а судя по форе, еще и малоопытным. Игра шла дружеская, на выпивку с закуской, благо буфет был этажом выше.

Появление Бенкиса вызвало некоторое смятение в рядах присутствующих: воцарилось полуминутное молчание, нарушаемое стуком шаров. У вновь прибывшего был загадочно-воинственный вид с явным настроем на авантюрную игру, что просматривалось в позе, с которой он восстал у стены, скрестив за спиной руки.

Обстановку разрядил неунывающий Макарьчик, который, поднявшись с диванчика, улыбаясь и блестя глазками, подошел к Фокуснику и, глядя снизу вверх, произнес: «Ну что, Левушка, поиграть зашел или «поболеть»? Может мазу на кого поставим?», – и указал жестом на пятый стол.

«К мазам не расположен, а поиграть-размяться не откажусь», – пахнул «Наполеоном» на любопытствующего Лев Григорьич.

«Как ты разминаешься, мы знаем, испытали на себе», – приняхиваясь, напомнил иллюзионисту один концертный эпизод Макарьчик.

Отдыхая как-то с женой в Ялте, он приобрел у Бенкиса билеты на его представление в почетном первом ряду. Пришедший «навеселе» Макарьчик и не подозревал, что тот вознамерился использовать его в роли «подсадной утки» вместо приболевшей штатной.

«Заготовленный фокус» не удался, и Бенкис шутя свалил вину на оконфуженного и отрезвевшего Макарьчика, мотивируя, что тот «под мухой», чем и вызвал хохот зрительного зала. С тех пор у него к Фокуснику возникла неприязнь, «вырос зуб», и он ждал случая для «сатисфакции».

«Тогда, может, за себя ответишь, тебе и партнер имеется», – не оставал Макарьчик, переводя внимание на шестой стол и кивая в сторону Рыси, который молча продолжал игру, не обращая внимания на диалог. С Фокусником он играл неоднократно по немалому кушу и на приличной форе, но с переменным успехом. Последнюю встречу Валера ему проиграл, и теперь нужно было «потянуть резину», дождавшись предложения от Бенкиса, чтобы не передать тому фору.

Состоятельные партнеры, зная щедрость Рыси на фору, тянулись к нему, как железо к магниту; он же перед назревавшей игрой вел политику, сходную с поведением одноименно заряженных физических тел. Главное при «сводке» – держать дистанцию и «зарядить куш», не передавая фору.

«Ну что, Валера, продолжим наше рандеву?» – словно угадывая его мысли, откликнулся вслух Лев Григорыч.

«Рандеву с петлей на шее? Как в прошлый раз? Не пойдет – на той форе не гожусь», – недоуменно среагировал на вызов заулыбавшийся Валера.

В прошлый раз они играли на форе пять – семнадцать по четвертному, но Бенкис отвечал в двойном. Ту встречу Рысь проиграл.

«Если б не два «дурака», то где б я был? – отпарировал подвох Фокусник. – Сыграем по-прежнему, на тех же условиях».

«На той форе получится «По Брежневу», меня дольщики под руки отсюда уведут, – отшутился Рысь, – давай хоть в тройном тогда отвечай, чтобы их побольше было».

Бенкис невозмутимо стоял, оперевшись спиной в стену и что-то взвешивая в голове: 75 рублей по тем временам была все-таки приличная сумма, выражающая зарплату медсестры или продавца магазина.

«Хорошо, давай в тройном, но на пять – восемнадцать», – полез он на рожон, не догадываясь, что чем больше будет дольщиков у противника, тем психологически ему тяжелей играть.

Давление со стороны будет ощутимым, так как во время игры все они соберутся вокруг стола, не считая мазильщиков, которых станет в два-три раза больше. Рыси только этого и нужно: потянув немного с ответом, как бы раздумывая над шарадой, он «подписался» на новые условия.

«Ну, коли за тройной ответ – тогда сыграем, но на первом столе», – ответил он и с серьезным видом направился в курилку.

За ним гуськом потянулись сотоварищи-дольщики. После краткого совещания с перекуром все вышли и расположились вокруг первого

стола, с которого играющие перешли на шестой, уступив его внушительной команде. Первый стол – самый строгий, и это давало весомое преимущество Рыси, прекрасно владеющему техникой игры, чего не скажешь о Фокуснике.

Пока Рысь собирал в треугольник шары, Фокусник отыскал в шкафу деревянный пенал с личным палисандровым кием, вынул его из суконного ложа, проверил, прочно ли сидит наклейка, и принял выжидательную позу, уперевши кий двумя руками в пояс, и прислонившись к стене.

Скрупулезно установив пирамиду, его соперник не спеша занялся своим «ружьешком»: протер его суконкой, пошкурил и наклеил наклейку. Оно было простеньким, березовым, набранным с крашеным шпоном и наклейкой в 11 мм. Для всех оставалось загадкой, как Рысь мог играть таким «карандашом» и почти никогда не проигрывать, особенно в пирамиду «московскую», его любимую игру, которую они и разыгрывали.

Приведя в порядок кий и собравшись перед первым ударом, как большой дикий кот перед прыжком на жертву, Валера накатом пустил биток, и тот, отразившись от второго нижнего ряда, скатился в правую лузу. Бенкис снял шар с игровой позиции и поставил его на борт.

Тщательно выбрав позицию в «домике» для следующего удара, Рысь таким же манером «убрал» биток в тот же угол.

«Бог троицу любит», загадал Валера, в очередной раз прицеливаясь из дома в левую лузу, дабы не замылился глаз от правой. И в левую «свой» скатился без помех.

«Не только троицу, но и меня тоже», – молча отметил равнодушие к себе Всевышнего игравший, «свалив» в ту же лузу четвертого шара.

Как воздух, нужен был еще и пятый, именно с выставки, поскольку позицию выбирал он сам. На этот раз Валера сыграл выкатившегося под удар чужого в правый угол. В рядах дольщиков послышались сдержанные восхитительные возгласы. Бенкис с невозмутимой покорностью выставлял шар за шаром на борт, отмечая на доске галочки против буквы «В». Форa весомо сократилась.

«Пока хватит, надо отыгаться», – подытожил про себя удачное начало Рысь и пустил биток в сторону «дома» к угловой лузе. На малом ходу, подкрученный, он едва в нее не свалился, а поскольку она была самой строгой, «загубился» в створе, «свесив ноги» над соткой.

«Передаю эстафету, дерзайте, Лев Григорьич», – галантно изрек везунчик и отошел к полке.

С дерзанием, однако, вышла оказия: напрямую не просматривался ни один из шаров; играть нужно было от длинного борта, да и то с винтом. Лев Григорьич промерил кием угол падения и отражения, наметил мелом точку на сукне борта и стал приноравливаться к удару.

Положение было неудобным: он никак не мог приладить левую руку, и ударить по битку нужно либо «с веса», либо со скобы лузы. «С веса» рискованно – можно не попасть в намеченную точку на закрученном ударе. Фокусник решил играть со скобы. Приладив конец кия на облегающую сну-три кожу и отстранившись от стола почти на всю длину кия, он прицелился

и ударил. Но попал отнюдь не по шару: кий соскочил со скобы и сквозь сетку лузы уперся в основание стола. Для этого ему было достаточно малейшего колебания стола. Фокус удался, и кий остался целым. Можно было счесть это за везение, да только «холостой выстрел» сочли за туш своего, и теперь иллюзионисту нужно играть до шести шаров.

«А судьи кто?» – театрално воскликнул Бенкис, пытаясь опровергнуть решение «коллегии адвокатов» Рыси во главе с маркером Георгием, который назидательно изрек в ответ: «Главный судья – зритель, и вам, как работнику сцены, это хорошо известно, Лев Григорьевич».

Валера тем временем опять начал играть с выставки, примеряясь к чужому в левый угол.

«Пора включать гипноз – иначе каюк», – без всякого анализа вывел аксиому Фокусник, и зайдя к противнику со спины, взглядом питона уставился ему в затылок. Но Рысь был далеко не «братец-кролик»: почуяв неладное в голове, он прервал выцеливание, встряхнулся, подошел к полке и стал шкурить наклейку. Помелив и стряхнув с нее лишний мел, он опять занял исходную позицию.

Старания гипнотизера ушли в пустоту вместе с улетучившимся коныачным хмелем и он, надеясь уже на чудо, «промаячил» у игровой лузы. Но чуда не произошло. Его соперник ударил, и чужой с треском влетел в лузу, а биток разбил кучу. На игру выкатился очередной чужой, но сыграть его нужно было через весь стол с «тещей».

«Не все потеряно, пока есть порох в пороховнице», – вспомнил вдруг Тараса Бульбу Лев Григорьевич, переключаясь опять на гипнотическую частоту. В этот раз сработало. Рысь, приспособившая поудобней «тещу» на столе, не заменил свой короткий кий на длинный, и к тому же не помелил конец-кожанку. Вытянув во всю длину руки, он киксанул при ударе, попал все-таки по чужому шару, и подправил его, выкатив на удобную позицию. После чего уважительно водрузил «тещу» на место.

Бенкис встрепенулся, переключаясь и нейтрализуя гипноз, исходящий от дольщиков соперника. Многолетняя школа «дала себя знать» и не подвела. Он тщательно прицелился и положил шара в угол. Биток при этом выкатился на вторую половину стола под «свояка» в среднюю лузу. Воодушевленный успехом гипнотизер уверенной походкой обошел стол и встал на позицию к короткому борту спиной к зрителям.

Вдруг Бегемот, стоявший у дверного проема в соседний зал, оторвался от притолоки и вразвалку двинулся в сторону курилки. При этом он бедром зацепил отставленный зад Льва Григорьевича, замахнувшегося на удар, и скрылся за дверью. Удар совершился, но не тот, которого все ожидали. Биток сначала коснулся борта, а от него отразился в играемый шар.

«Надо перебить – сзади был толчок!» – озираясь, возмутился Фокусник. Но сзади «никого не стояло».

«Какой толчок? – делано удивился Рысь. – Я видел, как Вовчик пошел на «толчок», а другого толчка не видел», – добавил он, выбирая позицию для удара. «Хороший фокус, молодец Вова, подсобил, долю

отработал. С меня причитается», – про себя подвел он итог авантюры, скатывая «сваяка» в середину.

«Ну это уже чересчур – хоть игру бросай», – недовольно пробурчал мастер по фокусам, оборачиваясь к зрителям.

В игре мало что переменялось: Валера с выставки сыграл «чужого» в угол. На следующем ударе он отыгрался, решив взять «тайм-аут». Задача-минимум выполнена с восемью забитыми шарами; программу-максимум решить не проблема, надо только «развести тягомотину» и дать забить шарик-другой сопернику. «Сухая» абсолютно ни к чему, нужно сохранить денежного партнера для следующего раза. Что и случилось в процессе дальнейшей «игры на отыгрыш». Бенкис удачно сыграл «дурачка» от двух бортов в угол. Он бил в своем репертуаре – дурачки его любили.

Неизвестно, сколько бы продолжалось это соревнование на тему «кто кого переотыграет», пока в дверях не появился образцовой выправки, в штатском обличье, военный (ну как пулемет), подполковник-военпред с п/я № «Икс» Юра Усики. Лысый, со щегольскими усиками, фигурой боксера-полутяжа и костоломным рукопожатием, он излучал биоядреную энергию, способную подавлять волю соперников и вдохновлять играющих друзей, к коим относился и Рысь.

Поприветствовав публику, он остановился у полки первого стола, разгадывая ребус из «галочек».

«Что, Валера, квалификацию утратил – отыгрываешься на рабочих шарах?» – бесцеремонно спросил Усики, пожимая Рыси лапу.

«Утратишь, блин, со штангой на плечах», – ответил тот, намекая на удушающую фору, и отыгрался в очередной раз.

Юра подошел к сидевшему с краю Сергею Григоряну, и, наклонившись, уточнил условия игры. Фокусник, «взятый на пушку», командирским тоном вновь прибывшего, сыграл неверно и выкатил на удар «чужака» в среднюю лузу. Валера тут же наказал его за ошибку. А Усики молча повернулся и зашел во второй зал: свое дело он сделал. Здесь, на освободившемся шестом столе разминался Миша Военком в ожидании партнера. Быстро смекнув «что почем», военпред тут же предложил себя «на спарринг».

Сводка состоялась без особых проволочек, поскольку Миша «под парами» не любил долго канителиться, ибо характер имел отважный и шел в атаку «с открытым забралом». Это украшало его как «пропахшего порохом боевого командира» новобранцев, но как посредственного игрока – отнюдь. Ему надо было запросить с Юры хорошую фору, да он постеснялся. В их случае количество равновесных звезд на погонах вовсе не уравнивало степени мастерства партнеров. Вдобавок Военком слабо знал математику и в процессе игры при увеличении куша спутал геометрическую прогрессию с арифметической и в результате «попал» на кругленькую сумму. «...А если б он вез патроны?» Но это уже другое кино.

Пока на шестом столе шла «подготовка к боевым действиям» «мощного» стратега и виртуозного тактика, на первом столе ситуация развивалась по накатанному сценарию. Владеющий мастерством отыгрыша

не хуже, чем исполнением длинных серий с разбоя, Рысь вынудил Фокусника совершить несколько ошибок и удачно реализовал их, увеличив счет на три шара. С железной руки Усиков к нему перешла уверенность и «пошла масть почти не целясь шары класть». Валилось все подряд, включая трипяти с фрубанами. «Дураки» Фокуснику изменили, фортуна повернулась другим местом. Попытки «пускать гипноз» были тщетны – видимо, «иссяк порох в пороховнице», а подкрепить тонус было нечем.

Однако держался он вполне достойно, упорно сопротивлялся и умудрился-таки забить пару трудовых шаров. После сорокаминутной баталии при счете семнадцать – четыре Лев Григорьевич совершил свой последний «бросок», играя «чужого» в угол, тот самый, который был строже других. Шар ткнулся в створ лузы, но, сыгранный без винта, поколебался и, затормозив движение, встал на ударную позицию.

Рысь не спеша помелил наклейку и с полной ответственностью за себя и компаньонов, прицелившись, на сильном ударе через «всю посуду» сыграл чужого и завершил партию. Раздались аплодисменты, сидячие зрители повскакивали с мест, а стоячие оторвались от стен и гурьбой повалили в курилку на разборку.

Раскрасневшийся от напруги Валера пожал Бенкису руку правой, а левой пряча в карман три четвертных билета, позубоскалил: «Заставил ты меня попотеть, и как это я выиграл? Только за счет везения».

«Потеть будешь в бане, а со мной играть. В следующий раз поквитаемся, сегодня не мой день», – ответил Фокусник, рассчитываясь заодно и с маркером за проигранное время.

«Спасибо, всегда рады Вас видеть, заходите еще», – поблагодарил Георгий за оставленную сдачу, убрал неудачливый кий Бенкиса в пенал и закрыл в шкаф на отстой до очередного визита хозяина.

Рысь бодрой походкой направился в курилку, а присутствующий при расчете вездесущий и удовлетворенный финалом дуэли Макарьчик вполголоса огласил вердикт:

«Здесь, Лев Григорьевич, не концертный зал,

А общество приличных игроков.

В итоге сам себя ты наказал,

Надеясь повстречать тут дураков!»

Через десять минут дольщики Рыси и фартовые мазильщики вышли из курилки и поднялись на четвертый этаж в буфет на маленький банкет «обмывать» удачно закончившееся представление. А потерпевший фиаско Фокусник с подвернувшимся приятелем Додом отправился на улицу Пестеля в дом номер четырнадцать к «Екатерине», взбодриться соточкой-другой «Наполеончика» с лимоном и «Ласточкой», дабы замкнулся круг и было б не так грустно шагать вдоль Фонтанки к дому.

И я там был, мне по щекам текло,

Да только в рот ни капли не попало.